

5. Каспранский Р. Р. Курятникова Э. Г. Обучение нормативной реализации некоторых системных признаков в произношении. — М.: Высшая школа, 1976, с. 5-12.
6. Meinhold G. Norm und Orthoepie // Wiss. Z-t der M. — Luther — Universität Halle. — Reihe 5, 1964. — S. 357.
7. Meinhold G. Deutsche Standardsprache. Lautschwächen und Formstufen. — Jena: Friedrich Schiller Universität, 1973. — 147 S.
8. Petrenko A. D. Stilistische Varianten der Aussprache im Fremdsprachenunterricht // Deutsch als Fremdsprache. — 1989. Nr. 5, Leipzig. — S. 267-272.
9. Петренко А. Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии. — Київ: Рідна мова, 1998. — 254 с.
10. Петренко Д. О. Соціофонетична варіативність вимови політичних діячів Німеччини Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. // Київ, 2003. — 220 с.

Статья поступила в редакцию 20 февраля 2004 г.

УДК 378. 02:372. 8:811. 111

В. Ю. Давыдова

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА
ИНТЕРПРЕТАЦИИ УЧЕБНО-НАУЧНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ТЕКСТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ВНЕАУДИТОРНОГО ЧТЕНИЯ
(на примере английского языка)**

В ходе проведения экспериментального исследования проблемы возможности и необходимости обучения интерпретации письменных учебно-научных текстов было определено и обосновано:

- 1). методика обучения адекватной интерпретации учебно-научного текста (на материале английского языка);
- 2). влияние уровня обучения (подготовительного, основного, продвинутого) на характер преподнесения и изучения учебного материала;
- 3). зависимость результатов интерпретации текстов от коммуникативной установки (на его линейное создание — пересказ текста как единицы лингвистической или на создание нелинейной установки — интерпретация текста как коммуникативной единицы);
- 4). необходимость использования специальной системы тренировочных упражнений для создания навыков интерпретации учебно-научных текстов и использования научной дискуссии как методического приема, активизирующего интерпретационные возможности студентов;

На факультетах экономики и менеджмента проводятся занятия каждые пять недель. Объем данных учебно-научных текстов варьируется в зависимости от

курса и уровня состояния обучения (основного, среднего, продвинутого и т. д.). С когнитивной точки зрения, коммуникация — это процесс передачи знания некоему адресату, воспринимающему эту информацию в рамках своей когнитивной структуры. Концепция прямой коммуникации описывает тот пласт интеллектуальных действий человека, который явно им осознается и потому легко отчуждается в создаваемых моделях.

Феномен непрямой коммуникации был описан в трудах В. А. Лефевра и его учеников (В. А. Лефевр. Конфликтующие структуры. М., 1973.).

В. А. Лефевр и его ученики считают, что понимание может осуществляться только через текст. Акт понимания направлен не на сам текст, а на его смысл, на выражаемую им идею. Текст, суть которого есть определенная экономическая идея, есть только посредник временное обиталище такой идеи. Смысл нуждается в артикуляции (вербализации), чтобы быть принятым адресату, для того, чтобы акт понимания стал возможным. Смысл не вкладывается как вещь в ящик. Он возникает в процессе создания текста и умирает в тексте. Преображеный, этот смысл воскресает в процессе восприятия и интерпретации текста.

Смысл — это не сама реальность, описываемая или порождаемая текстом, но особое отношение текста и этой реальности — то, что текст выражает относительно этой реальности, способ в котором он ее описывает. Поэтому прагматика текста может быть конструктивной или креативной. Инструктивная прагматика подразумевает, что передаваемый текст в данном культурном научном окружении допускает строго определенную научную интерпретацию. Текст с инструктивной прагматикой несет информацию о недвусмысленно интерпретируемых данных или является четко определенной инструкцией (приказание, учебный текст).

Второй уровень понимания — пересказ учебного текста студентом на занятиях внеаудиторного чтения (учебно-научные тексты факультета экономики и управления).

Третий уровень — выделение ключевых моментов или конспективное выделение или запись фактов в тексте (текст-схема, текст-диаграмма).

Четвертый уровень понимания связан с наличием у текста креативной прагматики, когда понимание текста предполагает творческое воссоздание смысла. Это происходит, когда студент или отвечает на вопросы к тексту или в группе возникает дискуссия по проблематике учебно-научного экономического текста. На студенческих научно-практических конференциях, которые проводятся кафедрой, студенты участвуют в дискуссиях по темам, которые раскрываются в докладах. Эти научные дискуссии как методический прием, активизируют интерпретационные возможности и понимание через текст.

Если Кун показал, что ученый воспринимает объект своего исследования не непосредственно, а с помощью парадигмы как выражения коллективного сознания конкретного научного сообщества, то постмодернисты разложили саму парадигму на составляющие, или, если воспользоваться постмодернистским термином, подвергли ее деконструкции. В результате то, что у Куна

было своего рода “линзой”, фокусирующей взгляд исследователя, у постмодернистов оказалось целой системой “фильтров”, корректирующих, деформирующих и, в конечном счете, конструирующих образ изучаемого объекта. [1]

Действие таких эпистемологических “фильтров” в значительной мере основано на функциях языка. Язык — непременный посредник практически в любой научной деятельности. Но вопреки распространенному мнению, это вовсе не нейтральный посредник, полно и без искажений выражающий и передающий мысль. Язык-посредник имеет достаточно сложную структуру — можно выделить, по меньшей мере, три качественно разнородных слоя языкового опосредования (в экономическом познании) связанные с ними эпистемологические “фильтры”:

- естественный (общекультурный) язык как средство описания/экономических явлений в повседневной жизни — ему соответствует собственно языковый фильтр;
- терминология экономической науки как инструмент научного описания экономической реальности — ей соответствует онтологический фильтр;
- внешнее, прежде всего литературное, оформление научных текстов и, соответственно, риторический фильтр.

Языковой фильтр как таковой, или фильтр естественного языка — фактор общекультурный и в силу этого внешний для экономической науки от нее не зависимый. Одна из главных функций научной терминологии — как раз ослабление зависимости науки от многозначности слов естественного языка. Для экономиста естественный язык может быть только объектом изучения. Так для экономической антропологии несомненный интерес представляет сравнительный анализ национальных языков в части, описывающей экономические явления. Такой анализ способен выявлять различия в экономической культуре разных эпох и народов.

Два других фильтра действуют внутри самой науки. Они не только опосредуют деятельность ученого, но и формируются в этой деятельности. Язык здесь инструментален, притом, что и сами языковые средства и их функциональная роль могут существенно различаться. Одно дело — научная терминология как инструмент в процессе получения нового знания, другое дело — язык как средство представить уже полученный результат. В первом случае язык выступает посредником между ученым и объектом познания, и на этой основе формируется онтологический фильтр, определяющий, как исследователь “видит” свою предметную область. Во втором случае речь идет об отношениях между ученым и пользователем научного знания (в самой науке или вне ее) — тут действует риторический фильтр.

Онтологический фильтр. Фактически он присутствует уже в куновской концепции научной парадигмы, поскольку она включает профессиональную терминологию, и, главное, формирует общее представление о предметной области. Принимая функциональную характеристику парадигмы как онтологии, постмодернисты одновременно смещают акцент на формы выражения научной онтологии, прежде всего на их образный, метафорический характер.

Точность и однозначность высказываний — одно из общепризнанных требований к языку науки. Поэтому постмодернистский тезис о том, что научные тексты изобилуют метафорами, поначалу прозвучал как вызов. Только после взаимного уточнения позиций постановка этого вопроса обрела некоторую респектабельность. Прежде всего, стало ясно, что метафоры — стандартный прием языковой практики, и сам по себе факт его использования в научном тексте ничего не говорит о его научных достоинствах. В то же время некоторые виды метафор (несмотря на свою расплывчатость, а возможно, и благодаря ей) имеют важную познавательную функцию и в научный лексикон попали не случайно. Так, в статье А. Клеймера и Т. Леонарда предложена следующая типология научных метафор [2]:

— педагогические метафоры — они призваны прояснить сложные научные идеи для непосвященных, обычно путем создания соответствующих визуальных образов. При научном обосновании самих идей такие метафоры могут быть опущены без ущерба для аргументации. Такие метафоры сродни поэтическим: они изображают то, что хорошо известно, но делают это непривычным образом;

— эвристические метафоры — это образы, чаще всего аналогии, которые помогают ученому осмыслить интересующую его проблему. Клеймер и Леонард иллюстрируют этот случай понятием “человеческий капитал”, возникший в результате применения стандартного экономического термина “капитал” к нестандартному объекту-уровню образования и квалификации человека. Эта метафора была вызвана к жизни случайным разговором в американской глубинке, а впоследствии была развернута в целую исследовательскую программу. В более широком смысле любая теоретическая модель, в том числе формализованная, будучи по своей природе аналогией, также является эвристической метафорой.

— конститутивные метафоры — это целостные концептуальные схемы, с помощью которых человек постигает окружающий мир. Такие метафоры стоят у истоков целых научных школ и исследовательских программ, определяя общую направленность научной мысли. Именно на их основе формируются научные онтологии, или в нашем случае, онтологические фильтры. В свою очередь, эти базовые метафоры служат фоном, или контекстом при рождении эвристических метафор.

Метафора как мотивация, метафора как инструмент познания и полилога культур столь же важна в междисциплинарных исследованиях как и математика, и причинный анализ. В постнеклассике, согласно В. С. Степину в процесс коммуникации погружается и антропный наблюдатель, подключая в контекст культурно-исторические измерение события, делокализуя событие посредством герменевтического текста природы [3].

В эссе Хорхе Луиса Борхеса “Сфера Паскаля” (1952) рассуждения о эвристической роли метафор получили афористическое завершение. Величайший мастер интеллектуальной метафоры, писатель без произведений которого невозможно представить себе не только литературу, но и мировую культуру XX

столетия, высказал парадоксальную мысль: “Быть может, всемирная история — это история нескольких метафор … Быть может, всемирная история — это история различной интонации при произнесении нескольких метафор” [4, с. 72].

Риторический фильтр. В узком смысле слова риторика — это искусство формы, прежде всего мастерство владения словом, умение придать тексту адекватный литературный вид. В этом случае научная литература выступает как особый литературный жанр и оценивается в соответствии с литературно-художественными критериями. Примером здесь могут служить исследования В. Браун, посвященные языку А. Смита. Опираясь на идеи известного русского философа и филолога М. М. Бахтина, автор проанализировала два главных сочинения Смита, обратив внимание на их литературно-стилевую контрастность: диалогизму “Теории нравственных чувств” противостоит монологизм “Богатства народов” [5].

Хотя именно узкая трактовка риторики соответствует обыденному словоупотреблению, в постмодернистской литературе она является, скорее, исключением. Постмодернисты апеллируют к традициям античной риторики, не отделявшей себя “от знания истины вещей”. Для риторического подхода в широком смысле слова язык — не самоцель. Это способ фиксации мыслей автора, которые и подлежат расшифровке. Предполагается, что научное знание эмпирически существует не иначе, как изложенное средствами языка, то есть как совокупность текстов, или дискурс. При этом, однако, акцент ставится на отношении между носителем знания и его пользователем, в отличие от постпозитивистского акцента на отношении между субъектом и объектом познания. Именно этим различием двух подходов обусловлено наше разграничение онтологического и риторического фильтров.

Интерес постмодернистов к научной риторике — это прежде всего интерес к тому, как ученые используют имеющуюся у них свободу самовыражения. Рассumeется, эта свобода не безгранична: ученый утратит свой статус, если допустит фальсификацию научных результатов или вместо научных данных начнет излагать собственные фантазии. Тем не менее риторика ученого — это не только и не столько вопрос его литературного стиля. Наука в постмодернистском восприятии насквозь социальна: ее главными персонажами, наряду с авторами научных текстов, выступают редакторы и рецензенты, академические боссы и грантодатели.

Предполагается, что именно эта социальная среда, а не “бескорыстное служение абстрактной истине”, наибольшей степени влияет на мотивации научных работников, которые, в свою очередь, диктуют поведение на всех этапах научного процесса: выбор диссертабельных тем и модных методик исследования, стремление кциальному уровню математизации при обосновании результатов, презентации работы на престижных конференциях, обеспечение необходимого количества публикаций, предпочтительно в журналах с высоким рейтингом цитируемости и т. д.

Совокупное влияние всего комплекса факторов научной деятельности в ко-

нечном счете запечатлевается в научном дискурсе. Риторический анализ содержания и стилистики научных текстов, структуры научных публикаций связывается здесь с институционально-социологическим изучением науки, что позволяет критически оценивать положение дел в профессиональном цехе, выявлять расхождения между номинальными и реальными нормами научной жизни, декларативными и фактическими критериями, направляющими научную работу.

Методологический фильтр. Научное познание вооружено методом, то есть специально разработанной и сознательно применяемой технологией изучения соответствующего предмета. Для экономической науки вопрос о методе традиционно был вопросом о ее соответствии определенному методологическому стандарту. Если стандарт сомнений не вызвал, то внимание фокусировалось на особенностях его применения; когда же у принятого стандарта появлялся конкурент, дискуссия о методе перерастала в борьбу за утверждение одного из конкурирующих стандартов. Таков был знаменитый “спор о методе” между К. Менгером и Г. Шмольером в конце XIX в., такой же характер имела в XX в. полемика между Л. фон Мизесом и неоклассиками, между К. Поппером и марксистами.

Сами методологические стандарты отражали опыт наук-лидеров, а методология служила главным каналом распространения общенакальных тенденций. По той же причине фактор метода сохранял известную автономность по отношению к внутренней логике развития конкретных наук. В разные эпохи и для разных школ экономической мысли методологическими ориентирами служили механика, биология, история, философия, математика.

Постмодернистская постановка вопроса о методе и методологии, в основе которой лежала концепция методологического анархизма П. Фейерабенда, оставлявшая за ученым полную свободу выбора в области метода, означала разрыв с прежней традицией. Применительно к экономической науке постмодернистская позиция сводится к следующим основным пунктам:

- отрицание Методологии (с большой “М”), то есть традиционной нормативной методологии как особого типа знания, “вносящего” в конкретную науку “подлинно научный” (истинный, правильный и т. п.) метод познания;
- признание принципа методологического плюрализма, оставляющего за ученым право самому определять метод исследований;
- признание методологии с малой “м” как совокупности знаний о конкретных технологиях научного анализа;
- установка на изучение фактической методологии экономических исследований на основе описания и интерпретации научного дискурса (например, в рамках “риторики экономической науки” (МакКлоски) или истории экономической мысли (Э. Вайнтрауб)).

Принцип методологического плюрализма в контексте постмодернистской концепции науки привел к радикальному пересмотру отношений между объектом и субъектом познания. Если мотивация субъекта определяется сложившимися в науке “правилами игры” и если эти “правила игры” оставляют за ним

свободу интерпретации предмета и свободу выбора метода исследования, то говорить об объективности познания становится затруднительным. Логика постмодернистского подхода к науке подводит к ряду важных выводов:

- во-первых, научное знание вообще и экономическое, в частности — это социальный конструкт, то есть продукт сознательной деятельности, протекающей в определенных социальных рамках;
- во-вторых, социальным конструктом являются не только частные знания, но и любая общая картина экономической реальности, причем таких социально сконструированных “реальностей” может быть сколь угодно много;
- в-третьих, не существует экономики как единой научной дисциплины, есть лишь “изменчивое поле фундаментально различных и часто конфликтующих дискурсов”;
- в-четвертых, научное знание, будучи социальным конструктором, не дает основания судить о каких бы то ни было объективных сущностях; научное знание — это не более, чем интерпретация объекта с определенной (одной из возможных) точки зрения.

Экономическая методология была и остается полем острых дискуссий и объектом практики, прежде всего со стороны исследователей-практиков. Насколько устойчивы в свете этой критики тенденции двух последних десятилетий, в течение которых эта область сложилась в отдельную научную дисциплину? Чтобы ответить на этот вопрос, важно оценить как аргументы оппонентов, так и — в особенности — уроки, которые к настоящему времени уже привнес методологический бум.

Главный аргумент против методологии основан на неприятии разделения труда между методологом и исследователем-практиком. Утверждается, что специалисту в конкретной области трудно ожидать пользы от советов неспециалиста в данной области, каковым по определению является методолог; если же по каким-то причинам методолог действительно знает, как решать конкретные проблемы, то зачем ему ограничиваться советами: не лучше ли самому взяться за их решение? Этот аргумент высказывался известным американским экономистом Ирвингом Фишером еще в 1932 г. и неоднократно повторялся одним из ведущих современных экономистов-теоретиков Ф. Ханом [6], с аналогичных позиций выступают и упоминавшиеся уже авторы постмодернистской волны Д. МакКлоски и Э. Вайнтрауб [7].

Эта критика, безусловно, справедлива в том смысле, что методолог не может заменить ни одного специалиста в конкретной области. Отчасти она справедлива в отношении традиционной нормативной методологии, которая нередко претендовала на роль верховного судьи в теоретических спорах. Но эта критика вряд ли справедлива, если речь идет о современной экономической методологии, которая — за исключением некоторых своих представителей — не просто отказалась от подобных претензий, но и теоретически преодолела связанные с ними иллюзии. В этом отношении постмодернистская критика экономической методологии особенно характерна, поскольку это методологическая критика методологии, то есть критика одной модели экономической ме-

тодологии с позиции другой ее модели, даже если последняя называется иначе — скажем, риторикой.

Хотя период методологического бума вряд ли можно считать завершенным, из опыта более чем двадцатилетних интенсивных поисков в области экономической методологии уже сегодня можно извлечь некоторые уроки.

Уроки постмодернизма. Значение постмодернистской деконструкции науки состоит прежде всего в том, что она помогла преодолеть многие иллюзии о научном знании, пусть и ценой немалого дискомфорта для тех, кто причастен к его производству. В результате самонадеянность представителей научной ортодоксии, в нашем случае — неоклассической экономической теории, была заметно поколеблена. Возникло характерное противоречие. Структуры и механизмы западного академического сообщества в области экономики за последние годы мало изменились: оно по-прежнему воспроизводит свои институты, критерии деятельности, учебные планы и — самое главное — кадры. Более того, не прекратился процесс вовлечения в эту орбиту все новых “отставших от поезда ортодоксии” стран и университетов. В то же время внешняя среда существования этого относительно замкнутого академического сообщества медленно, но неуклонно меняется: в точках соприкосновения академического микрокосма с миром внешним возникают все новые напряжения. Это и реакция на провалы в экономической политике, запрограммированные учеными-консультантами (в том числе в так называемых “новых рыночных экономиках” [8]); это и наметившиеся сдвиги в предпочтениях студентов не в пользу экономических факультетов; это и подвижки в общем интеллектуальном климате и отчасти как выражение этой тенденции — критическая работа экономистов-методологов, упорно и терпеливо разъясняющих своим коллегам по академическому сообществу источники и причины возникающих проблем. В этих условиях в самом академическом сообществе создаются предпосылки для активизации и усиления влияния альтернативных течений экономической мысли, оживления контактов и дискуссий между представителями разных научных школ.

Уроки постмодернизма неоднозначны: внедряя в сознание идеи методологического плюрализма, теоретического релятивизма и социальной обусловленности научных знаний, постмодернизм тем не дает убедительных разъяснений, как организовать эффективность функционирования научного сообщества на базе этих принципов. Критики постмодернизма в экономической науке [9] резонно обращают внимание на то, что отказ от какого бы то ни было методологического стандарта в науке — пусть спорного и несовершенного — на практике может способствовать не столько свободе творчества.

Обеспокоенность современным состоянием экономической науки выражают не только постмодернисты. Так, виднейший представитель попперианского крыла в современной экономической методологии М. Блауг недавно едко заметил, что, советуя правительствам Восточной Европы, как переходить от командной экономики к рыночной, экономисты как профессиональное сообщество отказались “хуже, чем бесполезными”.

Реакцией на такое положение стало усиление в самое последнее время прагматической “средней линии” в экономико-методологической литературе. Наиболее характерная черта этого подхода — стремление определить границы методологического плюрализма без отказа от самого принципа. С одной стороны, плюрализм предлагается поставить под контроль критики, с другой — сохранить нормативность методологии в рамках плюрализма, делегируя ее отдельным направлениям и школам экономической мысли. Проявлением той же прагматической тенденции служат попытки переоценить отношение к парадигмам Куна как способу концептуализации структуры науки. Отодвинутая в тень сначала за избыток радикализма (в пользу теории И. Лакатоша), а затем за его недостаток (постмодернистами), концепция Куна теперь выступает как своего рода компромисс между традиционным и постмодернистским подходами к методологии, на базе которого возможна конструктивная интеграция их элементов.

В то время как прежняя, преимущественно нормативная функция методологии оказалась под огнем критики, современные экономисты-методологи предприняли немалые усилия по освоению новых сфер профессиональной активности. В результате сегодня можно говорить о таких функциях методологии, как а) дескриптивно-методологическая; б) критически-онтологическая; и в) профессионально-этическая.

Дескриптивно-методологическая функция. В экономико-методологической литературе двух последних десятилетий переосмыслению подверглось не только общее представление о науке — во многом изменился и уровень понимания фактического положения дел в профессиональном цехе экономистов. В работах, характеризующих это положение, экономическая наука предстает как сложно-структурированный и динамично развивающийся организм, действующий в соответствии со своими, порой неявными, правилами и закономерностями. Были описаны механизмы функционирования научного сообщества; на основе углубленных интервью с ведущими экономистами показана их творческая лаборатория; опубликованы тематические сборники, в которых видные специалисты разных направлений и специализаций представили свои взгляды на роль теории, принципы и методы научной работы; предметом анализа стали язык и литературный стиль экономических произведений.

Одним из наиболее перспективных направлений работы становится тщательный методологический анализ научного творчества отдельных авторов. Такие исследования дают возможность понять технологию научной работы крупных ученых и нередко развеивают связанные с ней мифы. Так, анализ работ М. Фридмана, П. Самуэльсона и других известных экономистов обнаружил значительные расхождения между методологическими декларациями и фактической методологией соответствующих авторов. Именно экономико-методологические исследования подвели к пониманию реального жанрового разнообразия современной экономической науки.

Дескриптивно-методологические исследования имеют двоякую роль; для самого научного сообщества это необходимое условие формирования адек-

ватного профессионального самосознания, для широкой общественности — источник информации об экономической науке как общественно значимом факторе, оказывающем влияние на экономическую политику.

Критически-онтологическая функция. Вернув в сферу своих интересов научных онтологий (картин экономической реальности), экономисты-методологи не только показали активную эпистемологическую и идеологическую роль этой компоненты научного знания, но и включились в конкретную исследовательскую работу по реконструкции, критическому анализу и даже отчасти проектированию таких онтологий.

Наибольшее внимание уделялось реконструкции и осмыслиению онтологических (прежде всего поведенческих, этических и институциональных) предпосылок современной неоклассической теории. Были, например, выявлены противоречия между онтологиями, лежащими в основе теории общего экономического равновесия, с одной стороны, и микроэкономической теории рационального поведения — с другой; проанализированы теоретические трудности, связанные с использованием предпосылки о репрезентативных экономических агентах.

Значительное внимание теме онтологических предпосылок уделяется в работах методологов и теоретиков других научных направлений: “неоавстрийской” школы, пост-кейсианства, институционализма. В этом же контексте следует рассматривать и шаги, направленные на реабилитацию эсценциализма в социальном познании, в частности, в экономической теории. Появляются работы, в которых выдвигаются принципиально новые подходы к построению картин экономической реальности. Так, В. Браун предложила взглянуть на экономику сквозь призму метафоры литературного текста, в котором представлены и взаимодействуют различные персонажи [10].

Особое внимание в последнее время привлекает вопрос о применимости в экономической науке синергетических представлений. Исходный импульс идет в этом случае от готового математического аппарата, подлежащего экономической интерпретации.

Профессионально-этическая функция. При общей дискуссионности вопросов, связанных с нормативностью методологического знания, есть один пункт, в отношении которого нормативное начало признается, похоже, экономистами-методологами всех направлений. Этот пункт касается этики дискуссий, или *Sprachethik* (этот немецкий термин был введен неомарксистскими философами франкфуртской школы). И хотя возможная действенность подобного кодекса научного обсуждения оценивается неодинаково, есть общее понимание его желательности для современной экономической науки. В условиях, когда экономисты разобщены профессионально, идеально, теоретически, методологически и когда развитие экономической методологии показало, что трудности общения между приверженцами разных научных парадигм имеют достаточно глубокие эпистемологические корни, вопрос о взаимопонимании и профессиональном общении внутри научного сообщества приобретает совершенно новое звучание, вырастая в одну из главных проблем функционирова-

ния науки. Соответственно, распространение и культивирование в среде экономистов принципов *Sprachethik* станет, возможно, приоритетной задачей экономической методологии.

Речь идет о весьма простых, но далеко не всегда соблюдаемых на практике, правилах поведения, таких как: не лги; будь внимателен к собеседнику; не высмеивай оппонента; сотрудничай; не кричи; не мешай говорить другому; будь открытым к альтернативным взглядам; объясняй свою позицию, когда тебя об этом просят; не прибегай к насилию или тайному сговору в помощь своим идеям. После двадцати лет неуклонного роста масштабов и глубины экономико-методологических исследований эта область знания сложилась в новую субдисциплину в рамках современной экономической науки. В основе этого явления лежат объективные процессы дифференциации и профессионализации экономической науки, тенденции к усложнению и даже фрагментации экономического знания. Создается реальная потребность в укреплении таких элементов экономического знания и институтов научного сообщества, которые поддерживают механизмы внутринаучной коммуникации, обеспечивают взаимопонимание между экономистами разных специализаций и научных направлений.

Профессионализация экономической методологии вносит существенные изменения в характер взаимоотношений между методологами и специалистами в конкретных областях экономической науки. Прежний тип отношений, когда в роли методологов выступали, как правило, видные экономисты-исследователи, нередко принимавшие на себя функцию арбитра в научных спорах, а сама методология воспринималась как набор предписаний относительно того, как следует вести научное исследование — этот тип отношений, по-видимому, уходит в прошлое. Сегодня экономист-методолог — это, прежде всего специалист, изучающий состояние и эволюцию системы научных знаний, практику функционирования и тенденции развития экономической науки как сложного общественного института. Экономист-методолог не может заменить профессионала в конкретной области теории или прикладного знания. Но точно так же и специалист-конкретник не может заменить методолога — профессионала в области его компетенции. Экономист-методолог должен выявлять узкие места в развитии научных знаний и функционировании механизмов воспроизводства научного сообщества, способствовать взаимопониманию и диалогу между учеными в условиях теоретического и методологического плюрализма, содействовать междисциплинарным контактам, выявлять и поддерживать новые перспективные научные подходы, в особенности на стыках научных дисциплин и теоретических ориентации, культивировать этику научного общения.

Литература

1. Кун Т. [1962/1975] Структура научных революций М., Прогресс
2. Klamer A., Leonard Th [1994]. So what's an economic metaphor? // Mirowski (ed.).

3. Степин В. С. Методы научного познания. Минск, 1974.
- Степин В. С., Кузнецова Л. Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994.
4. Борхес Х. Л., Сфера Паскаля М., собр. соч. в 5-ти томах Т. 1 стр. 72.
5. Brown V. [1993]. Decanonizing discourses: textual analysis & the history of economic through // Henderson e. a/ (eds.). Brown V. [1994]. The economy as text // Backhouse (ed.).
6. Hoover K. [1995]. Why does methodology matter for economics // The Economic Journal, 105 (430), 715-734.
7. Mc Closkey D. [1985]. Rhetoric of Economics. Madison, University of Wisconsin Press. Mc Closkey D. [1990]. If you are so smart: The narrative of Economic Expertise. Chicago, Univ. of Chicago Press.
8. Hutchinson [1992]. Changing Aims in Economics. Oxford, Blackwell.
9. Hutchinson [1996-1997]. On the relations between philosophy and economics // Journal of Economics Methodology, 3 (2) 187-213; 4 (1), 127-51.
10. Гадамер Г.-Г. [1991-1976]. Риторика и герменевтика. Искусство. 1991.
11. Лакатос И. [1995]. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., Медиум.
12. Фуко М. [1977-1966]. Слова и вещи: Археология гуманитарных Наук. М., Прогресс.

Статья поступила в редакцию 19 февраля 2004 г.

УДК 811. 111 : 378. 147

O. A. Васильева

ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ АТТРАКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

В настоящее время практическое владение иностранным языком стало насущной потребностью высококвалифицированных специалистов. Все дисциплины вуза, используя специфические для каждого цикла наук методы и приемы, призваны дать базовые знания по специальности, а также развить у студентов те потребности, интересы и ценностные ориентации, с которыми связано освоение профессии. Дисциплина “иностранный язык” является одним из звеньев формирования иноязычной коммуникативной компетенций, а также формирования адаптации студентов к профессиональной деятельности. Прежде всего, она должна обеспечить будущему специалисту доступ к зарубежным, в том числе англоязычным источникам информации, без чего в настоящее время немыслима не только исследовательская деятельность специалиста, но и во многих случаях чисто практическая.